

Любовь и тайна

Читайте романы Татьяны Корсаковой

Не буди ведьму
Хозяйка колодца
Третий ключ
Дом у Чертова озера
Пепел феникса
Ночь, или Слеза ангела
Гостя, или Печать Василиска
Колдунья, или Проклятый дар
Призраки, или Музы дождливого парка
Ловушка, или Самая темная ночь
Дежавю, или Час перед рассветом
Ведьмин клад
Смертельное танго
Ты, я и Париж
Избранница, или Судьба № 5
Найденыш, или Хрустальное сердце
Миллионер из подворотни
Мужчины не плачут
Ева, или Паутина чужих желаний

Татьяна
Корсакова

Юстья,
или ПЕЧАТЬ
ВАСИЛИСКА

Москва
2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К69

Художественное оформление *Е. Анисиной*
Оформление обложки *Е. Черновой*
Ранее роман назывался «Печать василиска»

Корсакова, Татьяна.

К69 Гостья, или Печать василиска : [роман] / Татьяна Корсакова. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 352 с. — (Любовь и тайна. Романы Татьяны Корсаковой).

ISBN 978-5-699-78186-7

В имение «Полозовы ворота» Алю пригласил родной дед, о существовании которого молодая женщина и не подозревала. Она воспитывалась в детдоме, и поэтому очень обрадовалась появлению родственника. Кстати, чрезвычайно своевременному — ей как раз необходимо спрятаться и затаиться. Однако попав в имение, Аля понимает: что-то здесь не чисто. В этих краях существует легенда о пробуждении Василиска, который явится затем, чтобы забрать причитающееся ему. Неужели дед пригласил к себе внучку с какой-то тайной целью?..

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-78186-7

© Корсакова Т., 2014
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

Пусть на рассвете туманно —
Знаю — желанное близко...
Видишь, как тает неожиданно
Образ вдали Василиска?
Пусть всё тревожно и странно...
Пусть на рассвете туманно —
Знаю — желанное близко...

Андрей Белый

Рейсовый автобус, старенький и пыльный, сварливо дребезжащий на каждом ухабе, издал натужный стон и остановился аккурат в центре здоровенной лужи. Аля едва не застонала: отчасти из-за подкатывающей к горлу тошноты, отчасти от безысходности. Все, мосты сожжены, назад дороги нет. Дорога только вперед — в светлое будущее. А то, что будущее начинается в бурой дождевой жиже, еще не самая большая проблема, видывала она проблемы и пострашнее.

— Станция Полозовы Озера! Конечная! — сообщил водитель, маленький, вертлявый мужичок в грязной, а местами даже рваной тельняшке. — Вылазь давай, краля! Приехали! — добавил он и подмигнул Алевтине, удостоил, так сказать, высокой чести.

Аля отвечать на заигрывания не стала, вытащила из-под пассажирского сиденья дорожную сумку, одернула футболку и посторонилась, пропуская спешащую к выходу странную парочку.

Дядька средних лет с внушительным брюшком и купидоновскими кудряшками, обрамляющими

блестящую от пота лысину, отдуваясь и вполголо-са чертыхаясь, волок по проходу здоровенный чемодан. Чемодан сопротивлялся изо всех сил, цеплялся колесиками за ножки сидений, оставлял на грязной резине пола белые дорожки. Следом за дядькой, с видом в равной степени брезгливым и отстраненным, вышагивала мадам, одетая едва ли не по последней парижской моде. Мадам была статной, высокой, еще достаточно молодой и привлекательной. Такой бы разъезжать не в рейсовой колымаше, а на собственном «Ягуаре» или, на худой конец, «Порше». Да и в этом медвежьем углу ей делать нечего. Баден-Баден, Рим, Венеция — это да, это гармонично и вполне естественно для женщины, сошедшей с обложки модного журнала, но деревенька с романтичным названием Полозовы Озера...

— Вадик, аккуратнее, — мадам мазнула по Алиному лицу равнодушным взглядом и носком изящной туфельки отбросила со своего пути кусок надорванной и изрядно потоптанной газеты. — Я этот чемодан в Милане покупала, не вздумай его поцарапать.

Аля усмехнулась, значит, не ошиблась она на счет Баден-Бадена. Мадам — птица высокого полета, у нее чемодан небось стоит больше, чем весь этот несчастный автобус.

— Не волнуйся, дорогая, — дядька поднапрягся и вытащил-таки чемодан на середину прохода, — все будет в лучшем виде.

— В лучшем виде! — Мадам обмахнулась свежим журналом «Вог» и подняла глаза к потолку, красноречиво давая понять всем присутствующим, как ей все это провинциальное безобразие тяжело и неприятно.

В каком-то смысле Аля была с ней солидарна. Населенный пункт Полозовы Озера вызывал и в ее душе бурю протеста, но, в отличие от мадам, ей выбирать не приходилось.

— Выходим, выходим! Поторапливаемся! — прикрикнул водитель, закуривая папиросу.

От поплывшего по салону вонючего табачного дыма вернулась отступившая было тошнота. Аля торопливо достала из кармана джинсов мятлый леденец, сунула его за щеку. Вот что ни говори, странный у нее организм: когда сама за рулем, то ни о какой тошноте речь не идет, но стоит только пересесть на общественный транспорт, как тут же начинает укачивать. От воспоминаний о маленькой и юркой «Мазде», брошенной на произвол судьбы посреди чистого поля, на глаза навернулись слезы. Совершенный Алей поступок был равносителен предательству, но по-другому никак. Похорошему машинку стоило бы утопить или сжечь, чтобы окончательно замести следы, но совершить такое святотатство рука не поднялась. Предательство еще куда ни шло, но убийство...

— Что это? — От невеселых мыслей Алю отвлек возмущенный голос мадам. — Отгоните немедленно свою колымагу на нормальную дорогу, здесь же воды по колено! Вадик, не смей лезть в эту лужу! Еще, не дай бог, чемодан утопишь!

А, вот, значит, она о чем — о луже! И снова Аля была с мадам солидарна. Форменное безобразиe эта лужа.

— А ты не командуй! Раскомандовалась здесь! — беззлобно огрызнулся водитель и сплюнул в открытое по случаю жары окошко. — Видишь, — он указал заскоружлым пальцем куда-то вдаль, — написано: «Остановка». Стало быть, я правильно тормоз-

нул, а останавливаться в неположенных местах мне не дозволено. Меня, между прочим, оштрафовать могут за нарушение правил дорожного движения.

— Да кто тебя, козла немытого, оштрафует?! — А мадам, оказывается, умеет и по-простецки разговаривать, на одном языке с массаами. — Да в этом вашем Мухосранске про правила дорожного движения, поди, и не слышали.

— Это у вас там Мухосранск, — обиделся за малую родину водитель, — а у нас здесь места цивилизованные, туристические.

— Откатывай свою колымагу! — мадам угрожающе взмахнула свернутым в трубочку «Вогом».

Стоящая у двери щупленькая бабулька испуганно ойкнула, перекрестилась, а потом с укором посмотрела на водителя и сказала:

— Совсем ты, Ванька, совесть потерял. Что ж ты над людьми-то издеваешься? Вот я как твоей Зинке пожелаюсь, уж она тебя научит правилам дорожного движения!

Удивительное дело, но бабульку водитель послушался, в сердцах отшвырнул недокуренную папиросу и завел мотор. Правда, новое место парковки оказалось не многим лучше старого: теперь вместо лужи прямо перед открытыми дверями красовалась коровья лепешка. Привычных к подобному натурализму аборигенов лепешка не смутила, а вот мадам сельская экзотика пришлась не по нраву. Наверное, она бы продолжила пререкаться, если бы ее спутник не взмолился:

— Эллочка, солнце мое, я тебя прошу!

Эллочка картинно вздохнула, достала из ридикюля носовой платок, поднесла к носу и, зажмурившись, как перед прыжком с парашютом, переступила через лепешку. Аля спрыгнула следом, бух-

нула сумку на плавающийся от полуденной жары асфальт, смахнула со лба капли пота и огляделась.

Населенный пункт Полозовы Озера являл собой типичную для российской глубинки картину. Покосившиеся, вросшие в землю едва ли не по самые окна домики смотрели на окружающий мир уныло, стыдливо прикрывались кустами цветущей сирени, а кое-где угрожающе щетинились самодельными антеннами. Посреди выложенного потрескавшимися от времени бетонными плитами маленького пяточка, аккурат перед приземистым двухэтажным зданием с гордой табличкой «Сельский совет», красовался загаженный голубями бюст Владимира Ильича. Чуть правее находилось средоточие деревенской жизни — магазин. На скамеечке перед ним вели какой-то неспешный разговор местные аксакалы. У их ног деловито сновали туда-сюда рыжие в крапинку куры. Пасторальную картинку довершала точно сошедшая с экрана бричка, запряженная маленькой гнедой лошадкой. Лошадка тихо пофыркивала, мотала головой, отгоняя назойливых мух, шлепала губами и пыталась дотянуться до островка выбивающейся из-под бетона травы.

Аля с удовольствием полюбовалась бы всей этой красотой, если бы не мучивший ее вопрос. В своем последнем письме дед пообещал, что в Полозовых Озерах ее непременно встретят, но в пределах видимости не было ни одной машины. Может, встречающий опаздывает? Это ж в городе время на вес золота, а тут, у истоков, все совсем по-другому.

Аля собралась было присесть здесь же, на заваulinке, когда позади что-то гроыхнуло и заревело — рейсовый автобус тронулся в обратный путь.

Все, теперь мосты точно сожжены, больше на сегодня в райцентр рейсов не будет, Аля специально уточняла на автовокзале, и если за ней так никто и не придет, то придется как-то выживать до следующего вечера.

Ну и пусть! Ей не привыкать выживать в условиях, близких к экстремальным. Не это страшно. Страшно, что, если единственная ниточка, дававшая ей надежду на будущее, вдруг сейчас оборвется, на собственной непутевой жизни можно ставить крест, потому что бежать ей больше некуда, да и сил больше никаких нет бегать.

— Доброго здоровьечка! — кто-то бесцеремонно дернул Алю за рукав. — Это ж вы Алевтина?

Встречающий! Ну слава богу! Аля обернулась, да так и застыла с открытым ртом. Встречающий, если, конечно, это он, оказался персонажем до крайности колоритным. Высокий, худой, нескладный, с лицом, по которому определить возраст не представлялось никакой возможности, он смотрел на Алю ясными васильковыми глазами и безмятежно улыбался. Так улыбаться могут только дети и... душевнобольные. Догадку о психическом нездоровье незнакомца подтверждала и его более чем странная экипировка: галифе с красными лампасами, криво подпоясанная армейским ремнем ветхая гимнастерка и лихо сдвинутая на макушку фуражка. В руках он держал тоже что-то милитаристское: не то патронташ, не то планшетную сумку, Аля в таких вещах была несведуща, поэтому с ходу определить сущность данного предмета затруднялась.

— Я говорю, здрасти вам! — мужчинка улыбнулся и взял под козырек. — Я говорю, вы Алевтина? — Он подался вперед, внимательно всмотрелся в Алино лицо.

— Я, — она на всякий случай отступила на шаг. Мало ли что у этого ненормального окажется в торбе.

— Очень приятно! А я товарищ Федор! — мужчина протянул ей руку.

Ладонь была мозолистой и не слишком чистой, поэтому пожала ее Аля с опаской и едва удержалась от того, чтобы вытереть руку о джинсы.

— Федор?

— Не Федор, а товарищ Федор, — мягко поправил ее собеседник и полез в свой патронташ. — Вот тут у меня и документик имеется. Полюбопытствуйте!

Документиком оказалась узкая книжица с тисненой золотом надписью «Удостоверение», на развороте которой была наклеена распечатанная на принтере фотография штурмбаннфюрера Штирлица и неловким детским почерком выведено: «Товарищ Федор. Дварецкий из Полозовых ворот». Значит, вот какой у деда помощник — товарищ Федор, дварецкий... Аля вздохнула, вернула документик владельцу и спросила с надеждой:

— А Игнат Петрович случайно не приехал?

— Не, — товарищ Федор покачал головой, — хозяин из поместья выезжать не любит. По надобностям в деревню меня или Марью Карповну посылает. Вот и сейчас велел вас встретить. Поехали, что ли?

— На чем? — Алевтина отступила еще на шаг. Еще не хватало, чтобы этот полоумный сел за руль.

— Так на Звездочке! — товарищ Федор мотнул головой в сторону припаркованной у магазина брички. — Я всюду на Звездочке ездию. Она очень умная, все-все понимает.

Не успела Аля опомниться, как он сунул паль-

цы в рот и округу огласил залихватский разбойнический свист.

— Федька, вот скаженный! — давешняя бабулька снова перекрестилась и погрозила Алиному провожатому кулаком: — Ты что хулиганишь?! Гляди, курей мне всех распугал, ирод!

Товарищ Федор на бабулькину гневную отповедь никак не отреагировал. Наверное, потому, что все его внимание было занято умной и все понимающей лошадкой Звездочкой, которая притрусила к нему резвой рысью и сейчас ласково терлась башкой о патронташ.

— Сладости любит до зарезу, — товарищ Федор потрепал лошадку за ухом, а потом с надеждой посмотрел на Алю: — У вас сладостей нету?

— Только мятные леденцы, — сказала она растерянно. — Пойдет?

Товарищ Федор кивнул так энергично, что фуражка едва не слетела на землю:

— Давайте леденцы! Конфеты Звездочка особенно уважает.

Конфет набралось аж четыре штуки. Аля сняла с них обертки, выложила на ладонь и с опаской протянула лошадке. Та покосилась на нее черным с поволокой глазом, а потом бархатными, чуть влажными губами деликатно смахнула с ладони угощение.

— Все, теперь она ваша навеки, — радостно сообщил товарищ Федор. — Теперь вы на ней тоже можете ездить, где захотите.

— Так, может, давай уже поедem? — предложила Аля, косясь на дореволюционную бричку.

— Так поедem! Конечно, поедem! — товарищ Федор чмокнул Звездочку в лоб, проворно вска-

рабкался на козлы, протянул Але руку: — Давайте, хозяйка, залазьте!

Хозяйка... Какая ж она хозяйка? Она так, не пойми кто: не то хозяйская гостья, не то хозяйская родственница. Слишком уж все неожиданно и запутанно.

Аля забралась в бричку, пристроила сумку под обтянутой зеленым сукном лавкой, обеими руками вцепилась в борта повозки. Еще ни разу в жизни ей не доводилось ездить на таком экзотическом виде транспорта. Может, зря она скормила все леденцы Звездочке? Вдруг, не ровен час, укачает.

Опасения ее оказались напрасными. Ехать в бричке было комфортно и даже приятно, намного приятнее, чем в воняющем махоркой и бензином рейсовом автобусе. И даже мерное бубнение товарища Федора совсем не раздражало. Аля присмотрелась повнимательнее и вдруг поняла, что товарищ Федор еще совсем молодой, может, даже моложе ее. Просто из-за нечесанности да неухоженности кажется гораздо старше своих лет. А может, и болезнь как-то сказывается.

* * *

Бричка тихо-мирно катилась по проселку, а Аля, успевшая рассмотреть спутника в малейших деталях, переключилась на окружающий ландшафт. Пейзаж разнообразием не поражал, но выглядел весьма мило: заливной луг с одной стороны и редкий березовый лесок с другой. Сначала лес был просто лесом, но чем дальше они отъезжали от Полозовых озер, тем больше и больше местность оправдывала свое название. Все чаще и чаще

между деревьями поблескивала вода, а зелень, и без того буйная, сделалась еще пышнее.

Аля свесилась с брички, сорвала сочную травинку и спросила:

— Это что, болото или озеро?

Товарищ Федор посмотрел в ту сторону, куда она указывала, и, пожав плечами, сказал:

— Так и то, и другое. Тут же места такие... мокрые, кругом вода. Есть озера, есть болота, а есть даже топи. Тут чужих знаете сколько попропадало? Только на моей памяти человек тридцать. Как ушли на озера, так и сгинули.

— А местные не пропадают?

— Так а чего ж местным-то пропадать? — удивился товарищ Федор. — Местные здесь все хорошо знают. Знают, куда соваться нельзя.

— А куда соваться нельзя? — Аля всмотрелась в мелькающую за деревьями воду. Вода была черной и лишь кое-где отсвечивала серебром.

— Дык много куда. — Чувствовалось, что товарищу Федору разговор то ли неприятен, то ли неинтересен. Он помолчал, легонько стегнул Звездочку ивовым прутиком и заговорил: — На Настасьину топь соваться нельзя, еще на Мертвое озеро.

Настасьина топь, Мертвое озеро — названия-то какие, аж мурашки по коже. Аля невольно поежилась.

— Эй, — она осторожно тронула паренька за рукав, — а что это за Настасьина топь такая?

— Да так, — товарищ Федор неопределенно взмахнул прутиком, — место одно нехорошее. С виду лужайка, а как ступишь на такую лужайку, так тебе и конец.

— Почему конец?

— Потому что не лужайка это, а трясина. И глазом моргнуть не успеешь, как засосет.

— А почему она Настасья?

— Потому что в ней Настасья, дочка тутошнего помещика, утопла. Говорили, что батька хотел ее силой замуж выдать, уже вез к жениху на смотрины, а она возьми да и убеги, — товарищ Федор нахмурился. — Ну, батька, ясное дело, за ней вдогонку бросился и уже почти догнал, да только Настасья в трясины угодила, прямо у него на глазах.

— И что? — шепотом спросила Аля.

— А ничего, батька ей условие поставил: или она его воле подчинится и замуж выйдет за нелюбимого, или потонет в трясине.

— А она?

— А она отказалась, смерть мученическую приняла, прямо на глазах у родного отца, а напоследок успела ему шепнуть кое-что.

— Что шепнуть? — Аля аж травинку выронила от напряжения. Интересно же, чем дело кончилось.

— Шепнуть? — товарищ Федор посмотрел на нее своими васильковыми глазами. Смотрел долго-долго, Але аж не по себе стало от этого его странного взгляда, захотелось спрыгнуть с брочки и бежать со всех ног. Да хоть на ту же Настасьяну топь, лишь бы подальше от этого ненормального. — Так никто ж не знает, что она бате своему шепнула, — товарищ Федор улыбнулся, — они ж на болоте одни были.

Аля шумно выдохнула. Вот тебе и сказочке конец, а кто слушал — молодец. И в чем мораль этой страшилки, если неясно, чем дело кончилось?

— Только вот... — товарищ Федор почесал за ухом черенком прутика, — только с тех пор, как Настасья потонула, род Бежицких оскудел и чуть